

КАТЯ КАЧУР

КАТЯ КАЧУР

ЖЕЛЧНЫЙ АНГЕЛ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К30

Редактор серии *К. Буянова*
Оформление серии *Е. Петровой*

Качур, Катя.
К30 Желчный Ангел : роман / Катя Качур. — Москва :
Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-206750-1

Хирург Вадим Казаченко оперирует известного писателя Сергея Грекова и извлекает на свет божий камень, который оказывается... бриллиантом с фигурой ангела внутри. Находке нет научного объяснения, и, чтобы не прослыть сумасшедшим, молодой врач не рассказывает о случившемся ни коллегам, ни самому пациенту.

Вадим оставляет камень у себя — и ему начинает неказанно везти. Профессия, которая еле позволяла сводить концы с концами, теперь приносит внушительный доход, Казаченко становится хирургом с именем, и даже красавица-соседка Марго отвечает взаимностью на его чувства...

Жизнь писателя Грекова, напротив, разваливается на части — и он тянет за собой в пропасть всех, кто оказывается рядом.

Шаг за шагом таинственный камень, чья история уходит в далекое средневековое прошлое, коварно путешествует от одного героя романа к другому, вовлекая своих хозяев в странную и жестокую игру. И каждый из последующих владельцев обязан сделать выбор. Вот только цена этого выбора оказывается непомерно высокой...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206750-1

© Качур Е., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ветер от крыла Азраила закрутил песок Сахары в тугую воронку и гигантской плетью соединил небо с землей. Вокруг хлыста вращались разбитые в щепки загоны для скота, разорванные палатки бедуинских поселений, лоскуты ковров и клочья шкур. Вдоль оставшихся яслей бляели сбитые в кучу, напуганные бараны. Верблюды, будто обожженные хлыстом, ревели гортанно, вытянув могучие шеи и опустив ресницы.

Свеча у изголовья Адама заметалась, заполошно цепляясь за жизнь, и погасла, сожранная вихрем. В дрожащий шатер, согбенная, зареванная, сдуваемая отголосками смерча, зашла Аиша, села у постели мужа и положила ладонь ему на веки.

— Я принесла оливковое масло. — Она поставила рядом с подушкой глиняный сосуд. — Нужно намазать глаза, чтобы не видеть, как ОН ужасен.

Адам накрыл теплую руку жены холодными пальцами. Полы его галабеи¹ взметнулись, обнажив сморщенное, как сушеный финик, худое тело.

— Ступай, хабиби, — произнес одними губами. — ОН не должен застать нас вместе.

Аиша поднесла к щеке остывающую ладонь мужа, утерла сухими его костяшками слезы и, преодолевая пружину ветра, покинула жилище. Как только она исчезла, в купол шатра вонзилась зеленая молния, озарила подушки и вер-

---

¹ Галабея — длинная (до пят) мужская рубаша без ворота с широкими рукавами.

блюжки шкуры, рассекла воздух, словно нож — нежную плоть рахат-лукума. Слепящий свет был невыносим, даже сквозь закрытые веки он проникал в зрачки раскаленным жалом.

— ОТКРОЙ ГЛАЗА. — Голос одновременно был далеким и близким, ледяным и горячим, чужим и родным, мужским и женским.

Адам напрягся из последних сил и разомкнул слипшиеся ресницы. Перед ним, сложив прозрачно оперенные крылья с мощной сетью кровеносных сосудов, подперев подбородок сильной рукой, разметав по плечам серебристые кудри, сидел ОН. Глаза цвета чистейшего изумруда, брови — стрелы, чувственные хищные ноздри, губы, выточенные резцом из белого мрамора и отшлифованные алмазной гранью.

— Как ты красив, Азраил, — прошептал умирающий. — Как ты нечеловечески красив! Почему тебя все так боятся?

— Странно, что ты видишь меня таким, грешник. Смотри внимательнее!

Ангел поднялся с постели, ноздри его втянули огненный воздух, и над могучими плечами, над серебряной шевелюрой, упираясь в купол шатра, взметнулись исполтинские крылья. Артерии и капилляры, чудным рисунком пронизывающие их полотно, наполнились рубиновой кровью. Она переливалась от малейшего движения, делаясь то насыщенно алой, как нутро вспоротого барана, то глубоко бордовой, как закатный цветок гибискуса.

— Потрясающе! — воскликнул Адам. — Безупречно! Совершенно! Лучше лучшего из моих камней!

Азраил сложил крылья и вновь сел на подушку рядом.

— Грешники должны видеть на моих опахалах сотни глаз и тысячи языков, — бесстрастно сообщил Ангел. — И только праведникам напоследок разрешено полюбоваться их роскошеством.

— Мои грехи спорны, — возразил Адам. — Что бы я ни делал в жизни — гранил алмаз или целовал женщину, — все было пронизано безмерной любовью.

— Краденые алмазы и краденые жены, — напомнил Азраил.

— Но именно я делал их счастливыми. А не те, кому они изначально принадлежали.

— Вы, смертные, искусно оправдываете свои грехи. Даже самые тяжкие.

— Но я же вижу тебя прекрасным! — воскликнул Адам.

— Бесспорный аргумент, — согласился Азраил. — Ну, ближе к делу.

В руке его неведомо откуда возник кривой кинжал, Ангел, словно в масло, вонзил клинок себе под ребро, ближе к правому краю, и точно из масляного же кувшина плавно вынул обратно. Лезвие стало желто-зеленым, капля желчи собралась на самом его острие и повисла, ожидая приказа.

— Открывай рот. Эта капля избавит тебя от мук, — улыбнулся Азраил.

Адам, почувствовав неожиданный прилив сил в процессе беседы, закрыл рот рукой.

— Не хочу.

— Шутишь с Ангелом Смерти? — изумился Азраил.

— Предлагаю тебе сделку, — нашелся Адам. — Я, как лучший ювелир Востока, запечатаю твой образ в бриллианте. А ты продлишь мне жизнь еще лет на десять.

— Зачем мне застревать в камне? Я и так бессмертен.

— Люди видят тебя, только уходя в мир иной. А в земной жизни о тебе — только слухи и домыслы. А так ты сможешь повелевать судьбами, управлять желаниями... Это же гораздо интереснее!

— Господи, слышишь ли ты меня? — взревел Ангел и закатил глаза к небу. — Смертный предлагает мне сделку! Мне, который похоронит его сыновей, внуков, правнуков и всех, кто родится много тысячелетий спустя!

От его голоса утихший ветер вновь взвился к небу, разорвав в клочья шатер и разметав по пустыне скот. Адам, увидев в воронке смерча жену, что беспомощно хваталась за воздух руками, открыл рот и истошно завопил:

— Аишааааа!

Капля желчи упала с ножа Азарила на Адамов язык, старик выдохнул в последний раз и тихо умер. Ангел вытер со лба песок Сахары, стряхнул остатки шатра с натруженных крыльев и, глядя сквозь черное небо, усмехнулся:

— Управлять их желаниями при жизни... А что... было бы любопытно...

ЧАСТЬ 1

Глава 1

НАРКОЗ

— Сергей Петрович! Сергеей Пеетроович!
Голос звучал откуда-то из преисподней, глухой и далекий.

— Сережааа! Сереженькааа!

Уже теплее. Сознание, вырубленное наркозом, отреагировало на ласковое детское имя и попыталось прорваться из небытия в реальность. словно погруженное на дно болота, оно всплыло к поверхности, сделало вязкий вдох, уцепилось за корягу и начало вытаскивать из трясины ватное туловище и бесчувственные ноги.

— Сергуня-а-а!

А так звала его мама. Прямо из форточки кричала на всю вселенную: «Сергуня-а-а, домой!» Это означало, что на кухне стоит тарелка с пюре и двумя куриными котлетами, кисель с пленочкой наверху — фу, гадость! — и суфле из черной смородины. Все — исключительно нежирное, диетическое, приготовленное по брошюре А. Червонского «Стол № 5. Руководство для пациентов, страдающих заболеваниями желудочно-кишечного тракта».

Да, он, Сережа Греков, страдал этими чертовыми заболеваниями начиная с самого рождения. И все было зафиксировано в десяти толстенных карточках из детской поликлиники. Для сравнения: у одноклассника Васи Жукова такая карточка была лишь одна — тощая, как курица в продуктивном. И запись в ней красовалась единственная — «ОРЗ». ОРЗ, вашу мать! Одно ОРЗ в пятом классе!

Сережина мама лила слезы. О больничных талмудах сына говорила: «Моя “Война и мир”, моя “Сага о Форсайтах”, моя “Одиссея”». Вся ее жизнь прошла в очередях к кабинетам гастроэнтерологов и штудировании «Большой медицинской энциклопедии» в двадцати девяти томах. Число печатей на маминых бесконечных больничных по уходу за ребенком было соизмеримо с количеством навешанных на Серезу диагнозов. Его смотрели все — от участковых врачей до светил медицины. И каждый выносил очередной вердикт, опровергающий предыдущие. Лечение, впрочем, не приносило никакого результата.

— Серый! Просыпайся!

Опаньки! На кличку «Серый» он открыл глаза, и крупная керамическая плитка на потолке, покружив в воздухе, вонзилась в живот, вызвав мучительную боль. Сознание практически выбралось из болота и хрупкой Настенькой из сказки «Морозко» дрожало на лютном холоде в ожидании чудотворного деда.

Хирургическая сестра, увидев, что пациент отреагировал на имя, наклонила над ним лицо и прямо в ухо прошептала:

— Серый, очнись!

Сергей Петрович вытаращился на нее и негнушными губами спросил:

— Откуда знаешь, что я — Серый?

Так называла его только Мира. Именно эти слова — «Серый, очнись!» — говорила всякий раз, когда Сергей Петрович нес мечтательную дичь.

Медсестра улыбнулась и обратилась к другому пациенту, которого только что вывезли из соседней операционной в предбанник:

— Иннокентий Иванович, просыпайтесь! ... Иннокентий! ... Кеша! ... Кешенька!!!

Оттаявшим мозгом Сергей Петрович начал понимать тактику медработников: они в стремлении стряхнуть

с больного наркоз постепенно уменьшали его имя — от напыщенно-взрослого до пушисто-детского, привычного, родного. И, как сказали бы психологи, находили «ключ, на который отзывалось подсознание».

Наконец стучащего зубами от холода Сергея Петровича укрыли вторым одеялом и на каталке повезли в палату. Оперированным животом он чувствовал каждую кочку, каждый шов, каждую песчинку на поверхности линолеума и мучительно стонал.

— Сделайте что-нибудь, больно, — молил людей в белых халатах.

— Ща придет нарколог, всадит укол, мультики посмотришь, — пообещали те.

Через десять минут в палату действительно вкатилась тетя с небольшой тележкой и строго спросила:

— Сергей Петрович Греков?

— Да...

— Восемнадцать исполнилось?

— Да уж сорокет. Вы хотите предложить мне сигару и коньячок? — из последних сил попытался пошутить он.

— Так, хорошо, — резюмировала тетя. — Пациент в сознании.

Она резко откинула одеяло и молниеносно воткнула в плечо шприц.

— Отдыхайте. Сейчас боль утихнет. — И выкатилась со своей таратайкой прочь.

Через пару минут на белой стене перед Сергеем Петровичем вспыхнуло пламя. От него концентрическими кругами разбежались разноцветные брызги, превратились в облака и радугу, какими обычно какают розовые единороги и любимые девушки в представлении мечтательных прыщавых юнцов.

Сереза блаженно заулыбался и отошел в дрему. Мучительная боль от свежесеченного органа стала мягкой и пристроилась рядышком на одно из переливчатых облаков.

Наркотический сон прервал хирург. Он открыл дверь одиночной палаты и нарочито весело спросил:

— Ну, как самочувствие, Сергей Петрович?

— Как будто меня прооперировали, — вяло ответил пациент.

— Хо-ро-шо! Очень хорошо! Как болевой синдром?

— После чудо-уколычика значительно лучше.

— Понятно-понятно, тримеперидин — хорошая штука.

Хирург был странно взволнован. Синяя шапочка сбилась на левую сторону головы, из-под нее вихром торчали вспотевшие волосы. Даже сквозь пресловутый тримеперидин Сергей Петрович заметил, что врач держался иначе, чем ДО операции. Тогда он был вальяжным, богемным, чуть отстраненным. Сейчас — прибитым и заискивающим, как нерадивый школьник у доски.

— Скажите... — замялся медик, — вы, случайно, ничего не потеряли?

— Кроме желчного пузыря, который вы, Вадим Семенович, сами же и вырезали, ничего, — попытался улыбнуться Сергей Петрович.

— Ну да, ну да... — отозвался хирург. — А в ближайшие дни никакой пропажи в вашем доме не было?

— Да нет... — От странных вопросов пациент стал стремительно трезветь. — А что случилось?

— Ничего, ничего, — продолжал блять Вадим Семенович. — А как именно вы себя чувствовали ДО того, как попали к нам в хирургию?

— Станный вопрос. Мою историю болезни вы вроде бы изучили. Я с детства мучаюсь болями в животе. У меня хронический панкреатит, гастрит, синдром воспаленного кишечника... — Сергей Петрович долго и нудно перечислял все поставленные диагнозы, — ну а к вам я поступил с камнем в желчном пузыре. Мне давно пытались его удалить, но каждый раз операция по разным причинам срывалась. А теперь, после очередного при-

ступа, я попал к вам. Что чувствовал? Было невыносимо больно.

— Так-так, прекрасно, — эхом отозвался хирург.

— Ничего прекрасного в этом не вижу, — обиженно пробурчал Сергей Петрович. — Кстати, не подарите мне на память камень?

— Какой камень? Откуда вы знаете о камне? Вы его видели раньше? — Вадим Семенович занервничал еще больше.

— Не пугайте меня! Камень, который вы извлекли из моего желчного пузыря. Я читал в интернете, что их возвращают пациентам. А какой он из себя — это вам лучше знать. Холестериновый, пигментный... Какие у вас там еще бывают?

— Ах да, — выдохнул врач. — Камень не верну. Я раздробил его еще в процессе операции. Чтобы легче было вытянуть пузырь наружу, не расширяя разреза.

— Жаль. Хотел бы на него взглянуть, — отозвался Сергей Петрович. — Можно я еще поплюю? Совсем нет сил на разговоры...

— Да-да, поспите. Только через пару-тройку часов поднимайтесь с постели и идите гулять в коридор. Ходить нужно обязательно. Чтобы не было спаек.

Хирург вышел, но Сергей Петрович больше не смог заснуть.

«Мутный какой-то этот врач, — подумал он, — а говорили: не волнуйся, золотые руки! Небось накосячил в моем животе...»

От этой мысли стало совсем тоскливо. Измученный бесконечной болью, Сережа, Серега, Сергуня, Серый надеялся, что хотя бы после операции станет легче.

Через два часа пришла сестра, помогла ему подняться и вывела в коридор. Там, как тени на кладбище, медленно переставляя ноги, ходили прооперированные.

Сергей Петрович, держась на расстоянии двух метров, пристроился за сухонькой старушкой. Она двигалась пошу-